

16+

Анастасия Кит

Ярче солнца

Любовь ярка для всех

Анастасия Кит

Ярче солнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42395970

SelfPub; 2019

Аннотация

"Я люблю тебя ярче, чем светит это чертово солнце. И мне плевать, что я никогда не увижу этот чертов свет".История о необычном парне Арчи и его необычайно волшебной встрече с Нэнси.

В этой жизни мы все – победители и проигравшие. И вся наша жизнь – это игра на выживание. Некоторым даны привилегии, а некоторых и вовсе лишили всего. Я была той, у которой этих привилегий было слишком много. А у Арчи их не было и вовсе. Арчи, мой милый Арчи. Если бы все было не так. Если бы все сложилось иначе. Но жизнь – это не игра. И я не смогу переиграть тот или иной момент. Жизнь – это пазл. И моей недостающей и потерянной частью стал Арчи.

Солнце вздымается над величественными постройками современного города. Оно яркое, невозможно сильно освещающее поляну центрального парка. Лучи пробиваются сквозь эти выдающиеся небоскребы и офисы известных фирм. В парке гуляют мама с дочкой, папа с сыночком, молодая пара, многие другие. И именно это место я решила выбрать для написания новой картины, а чтобы точнее, задания в художественной школе. Это довольно нелепо: тащить из своей квартирки на окраине огромный холст и не менее большой мольберт в этот парк. Но, процитируем нашего учителя: «Искусство требует жертв». Ну, хоть денег больших оно не требует. Так, всего тысяча долларов за все обучение каждый год. Это довольно мало. Ну, или контора достаточно хреновая. Одно из двух, а третьего, как говорится, не дано. И я склоняюсь ко второму.

Поставив этот мольберт в тень, я обратила внимание на сегодняшнее небо. Надо успеть сделать набросок. Хотя я могла сделать все намного проще: сфотографировать на те-

лефон и отправиться восвояси, рисовать это дома. Ну, художникам, ваятелям искусства, легких путей не надо. Им надо примоститься на место со всеми своими орудиями и устроить целое шоу на установке мольберта. И вот, настал момент, я достала кисти и сделала прекрасный, ну, в кавычках, первый мазок. Он был похож на желток, размазанный ножом по сковородке. Намечаю здание. Это было сложное задание, я планирую справиться с ним дня за три. Подмечу: надеюсь справиться. И что-то подсказывает, что времени это займет намного больше, чем я себе распланировала.

За мечтательностью, что тихо подкралась ко мне, когда я того и не ждала, я почти не замечая, как пролетает уже уйма времени. И правда, прошло уже более часа. Хм, а у меня только два небоскреба и те карандашом. Небо скрылось за тучами, что меня явно расстроило. Ведь теперь я не вижу всех этих теней, которые мне были нужны. Ладненько, побудем тут до последнего. Да, Нэнс? Почему бы и... Об мою ногу внезапно врезается что-то твердое и увесистое. Я слегка пошатываюсь, а затем поворачиваю голову и смотрю на своего обидчика. Это был темноволосый парень, на носу которого были очки-телевизоры, прямоугольные. Он морщится, а я в этот момент прищуриваюсь. Неужто так сложно снять эти глупые очки с носа?

– Извините, я не заметил вас, – он немного хмурится, морщинки между бровями забавно и плавно двигаются.

– С такой переменчивой погодой пора бы снять очки, –

резко замечаю я, но тут же мысленно одергиваю себя. Что на меня нашло? Никогда не была латентным грубияном.

– С радостью, да вот людей не хочу пугать, – парень поправляет свои очки.

– И чем же их пугать? – я отворачиваюсь в сторону мольберта. Делать вид, что мне плевать, но интерес берет надо мной верх. Поэтому я поворачиваюсь обратно. Он стоит прямо передо мной и такое ощущение, что его взгляд где-то позади меня.

– К примеру, белизной моей радужки глаз, – он смеется. Боже, неужели я сейчас стою и оскорбляю калеку? Какой кошмар. Я рефлекторно поправляю свои волосы, чтобы скрыть за челкой стыдливые глаза. Он ведь все равно этого не видит. Так и зачем конспирация?

– Прошу прощения, – смущение сдает меня. Но он не замечает моего извинения, а просто смеется.

– Что вы делаете? – заинтересованно спрашивает он, немного ближе подходя.

– Рисую, – я задираю голову на небо. Солнце проглядывает сквозь облака и один из лучей, устремленный на меня, заставляет щуриться. – Жаль, не видите, какие тут облака.

– Не беда. Арчибальд.

Я оглядываю его. Он стоит, опираясь на трость. Высокий, слегка худощавый, это было видно по костям, обтягивающимся только лишь тонким слоем белоснежной кожи на руках, его вены выпирают, будто маленькие ветви внутри тела.

Он стоит в вельветовом пиджаке сиреневого цвета и светлых джинсах. На ногах конверсы зеленого цвета. Темные кудри едва касаются шеи. У него вздернутый нос и впалые щеки. Его длинная, очень странная рука держит трость, и весь вес тела сейчас находится на ней.

– Что Арчибальд?

– Мое имя – Арчибальд Стинсон, – он слегка наклоняется, как будто девушка на балу. Он странный.

– Нэнси Грин, – я ему улыбаюсь. Он не видит этого. Хотя он улыбается мне в ответ, будто чувствуя мою улыбку.

– Нэнси, – повторяет он мое имя тихо и усмешкой.

Через пару мгновений я будто очнулась. На пару секунд отключилась. Я смотрю на парня, который неряшливо поправляет челку, которая, кажется, щекочет и мешается ему.

– Арчи? – я ухмыляюсь, смотря на него. Он поворачивается и смотрит на меня. Нет, он не смотрит. В этом-то и дело.

– Да, Нэнс?

– Как насчет горячего шоколада из Старбакса? – обратив внимание на вывеску неподалеку, я указываю глазами туда. Но Арчи не поворачивается, нет. Ведь... человек живет всю жизнь на полном осязании пространства вокруг. Он не знает, что через дорогу старбакс.

– Я люблю с орехами, – он обнажает белоснежные зубы. Так Арчи становится похож на вампира: верхние зубы искривлены в разные стороны. Они похожи на клыки.

– Я с карамелью. Я сейчас приду. Жди меня, – я касаюсь

его волос и держу направление на Старбакс. На самом деле, я пила там этот горячий шоколад раза три-четыре... Может, два. Но эта кофейня была модной среди подростков. Поэтому я и предложила.

Я захожу в здание. На стенах висят деревянные доски с меню этой кофейни. Кофе, горячий шоколад, чай. Тут есть даже кофе в пакетах зернами. Кружки с Нью-Йорком, тамблеры. Еще есть кружки с фирменной эмблемой. И куча вкусных сладостей. Я сглатываю, смотря на это. Они правда все выглядят очень аппетитно. Стоило бы купить что-нибудь из этого. Среди всех вкусностей я замечаю ягодный смузи – себе его и возьму. Я подхожу на кассу и смотрю на парня. У него виднеется татуировка паука за воротом рубашки. Паук на шее. А где его паутина? Он смотрит на меня и то, что я кладу на стол. Одно пирожное с заварным кремом, один смузи и один сэндвич. Я посчитала, что стоит купить Арчи сэндвич.

– И горячий шоколад с орехами, – я даю ему в руку пятьдесят баксов. Он вздергивает бровь.

– Какого размера шоколад? – этого я у Арчи не спрашивала. Ладно, пусть будет средний. Я тянусь и показываю на средний стакан. Парень улыбается мне. – Имя?

– Нэн.. Ой, простите. Арчи.

– Хорошо, – он передает стаканчик баристе, который стоял за автоматом. – Вам с собой? – я киваю. Он дает мне сдачу.

Ждать надо было около пяти минут, что и было мною сделано. Я получила горячий в прямом смысле шоколад и отправилась с ним и пакетом вкусоностей обратно в парк.

Арчи сидел все еще там, где я его и оставила. Рядом с моим мольбертом. Я подошла к нему и сказала: «Бу!».

– Это было страшно, – он обернулся, но я в тот момент уже обошла его с другой стороны.

– Молодой человек, – я протянула ему шоколад и сэндвич. – Вы ничего не имеете против сэндвича?

– Если там есть хлеб – то уже хорошо. Я безумно голоден. Он быстро съел этот жалкий, для него, сэндвич, пока я только начала есть пирожное. Я поняла, что я есть особо не хотела, мне некуда было впихнуть это пирожное. Крем в нем был слишком сладким, а ягоды слишком кислыми.

– Арчи?

– Да?

– У меня еще пирожное, не хочешь? – я протягиваю и показываю ему нетронутую пирожное. Через пару секунд понимаю, почему он не реагирует.

– Да я всегда голодный, – он смеется. – Ты купила его себе?

– Я купила его себе, но поняла, что наелась смузи.

Парень вновь начинает смеяться, а я даю ему в руку пирожное. Он кивает и быстро съедает.

Через некоторое время он одолел полностью эту ужасную кондитерскую пытку для моих зубов и решил пересесть на

траву. Я сползла со скамейки за ним.

– Я никогда не видел, – усмехается молодой человек, сидя на траве и попивая горячий шоколад, который я принесла ему.

– Что видел? – повернувшись, я понимаю свою ошибку в вопросе.

– Я мог бы видеть тебя, если бы не был уродом. Мог бы наблюдать за волнами еще и глазами. Мне это безумно нравится. Слышать морской запах, слушать бьющиеся о камни волны. Но я не представляю, каково это. Какие они.

– Тяжело, наверное. Даже не знать, как выглядит твоя любимая кошка.

– У меня ящерица.

Я смотрю на него и не понимаю, почему я сейчас сижу с ним, почему мой мольберт стоит вдалеке, почему человек, имея инвалидность с детства не примет это как свою реальность. Я смотрю на Арчи, на его кудри.

– Знаешь, я ведь понимаю, что она такая, ну.. Я изучал ее, трогал, – он ставит стакан и начинает играть пальцами в воздухе. – Она такая, ну, шершавая, – рассмеялся. – Ее зовут Глэдис.

– Ящерицу?

– Да. Мама меня обучала. Давала в руки фигуры в детстве. Объясняла, что такое шар и тому подобное.

Честно, я не знаю, зачем мне все эти подробности от незнакомца. Но если ему становилось от этого легче, то я

слушала. Да и солнце было уже не то, а тени и вовсе растворились за нашими разговорами.

Я присаживаюсь рядом и думаю: каково это...

За разговорами о жизни, о его болезни, о моем образовании, мы пробыли до вечера в парке. И когда стемнело, меня осенило, что пора бы домой. Я толкаю своего собеседника, который все еще сидел на мокреющей от вечера, траве. Он медленно разворачивается в мою сторону. Уже стемнело, но Арчи сидит в очках. Пару раз я задумывалась о том, не темно ли ему. И чувствовала себя из-за этого очень странно, неприятно. Я забывала, что он не видит.

Я и Арчи, мы просто плюхнулись на траву, живо беседуя. Общение было самым разнообразным. Эти разговоры были странными. Он мне объяснял свою учебу. Как он учился писать. Как врач ему дал лист с алфавитом Брайля и сказал, что стоит это изучить. Это было по-настоящему странно. Не всякая ваша задумчивость, которую не так давно приравнивали к странности. Странность – это жизнь Арчи. «Моя жизнь – это большая ошибка», – он смеялся с тех слов, с которых меня передергивало. Все это время разговора он был повернут лицом ко мне. Но он не видит. Не видит моих удивленных глаз, моих пожатых губ. Моего ненужного печального взгляда, полного сочувствия. Он видит только пустоту.

– Пора, уже стемнело.

– Быстро день пролетел, – замечает он. Он сидел все это время на траве, задрал голову и слушая меня. Сейчас он

встает и опирается на трость. Он несколько поворачивается и идет в мою сторону, от чего сталкивается со мной и почти сбивает с ног. – Прости, – он закусывает губу.

– Ничего, – я снимаю холст, а затем разбираю мольберт. Я обдумываю все, что предстоит сделать мне сейчас: дойти до метро, сесть на поезд, а потом добираться еще на автобусе до дома. Предстоит достаточно веселый вечерок из моего приключения до дома. За всей этой суетой я успела заметить одну интересную вещь, а точнее две: глаза парня. Сейчас было очень темно, лишь фонари освещали узкие улочки парка. Но он-то доехал сюда и без света, он в принципе его не видит. Но как он дойдет домой? Черт возьми, как он вообще сюда добрался?! – Арчибальд?

– Нэнси, – вновь прозвучало мое имя из его уст.

– Как ты сюда приехал?

– Мама отвезла, сказала, что приедет, когда стемнеет. Уже темно?

– Да, более чем. Может, ты позвонишь ей? – я увидела, как он из кармана пиджака достает телефон.

– Я бы позвонил, если бы она не была занята, – вздыхает Арчибальд. Чем может быть занята мать, у которой сын не может добраться сам до дома? Чем может быть занят человек, если вот сейчас он полностью беспомощен и его «провода» в виде глаз оголены? Он щелкает по клавише и раздается голос из динамика: «Позвонить контакту Мама?». Он нажимает верхнюю клавишу, подтверждая это. – Да, что же ты так

орешь, – тихо произносит парень и прикладывает телефон к уху. Я слышу, как идут гудки, а затем голос его матери. Та, будто впопыхах, говорит ему, чтобы он посидел еще немного, подождал ее. Он грустно кладет трубку.

– Ты знаешь свой адрес? – тихо говорю ему я, от чего он поворачивается в мою сторону.

– Да, Гринвич-Виллидж, Томпсон стрит.

– А дом?

– Мама говорит, что наш дом виден издалека. Он ярко-красный, в нем пять этажей. Тридцатая квартира.

Это было не очень близко отсюда и совсем далеко от моего дома, но мне казалось, что я ответственная за этого человека. Я жила на Миллер Плейс, что было ближе к концу города. Я собираю все свои вещи и говорю ему идти за мной, сначала подавая руку. Он отказывается, аргументируя тем, что за столько лет слух обострился, и он слышит, где я нахожусь по шуршащей траве.

– Я мог бы тебе помочь, – испугав меня, говорит он. Я, чуть не выронив все из рук, поворачиваюсь к нему.

– В смысле?

– Ну, тебе же тяжело нести мольберт, холст, еще и рюкзак полный атрибутов для этого дела, – он ухмыльнулся. Его белое лицо освещает свет фонаря, и я замечаю, что на его щеках есть еле заметные веснушки.

– Нет, спасибо, мне не тяжело, – вру я. Да, мне хотелось отдать к чертям собачьим этот огромный холст и мольберт,

а рюкзак закинуть и убежать с место деяния. Но будем вести себя достойно. Хотя это менее достойно, чем отдать ему одну из вещей. Я останавливаюсь. – Хотя... Вот, возьми мольберт, – я отдаю ему палки для сбора. Он улыбается и далее идет довольным, иногда теряя палки, но поднимая их, усмехаясь.

Мы дошли до метро. Я купила билеты, и мы прошли в один из вагонов. И вагон пуст. Абсолютно никого здесь нет. Я отвожу его и помогаю сесть, от чего Арчибальд недовольно хмурится.

– Я и сам в состоянии сесть, – возмущается он. Я не могу ничего с собой поделаться, у меня все еще ощущение того, что я должна ему помочь всем, чем только могу. Но ему это не нужно. Ему никогда это не будет нужно. По крайней мере, это ему не поможет.

– Прости, – извиняюсь я и продолжаю наблюдать за его действиями. Он кладет свою трость рядом с палками для мольберта, а сам отворачивается от меня.

– Мне восемнадцать. И все восемнадцать лет ко мне относятся так, как ты. Они жалеют меня, говорят о том, что я бедный и несчастный, что я достоин лучшей жизни. Хватит, – в этот момент он оборачивается ко мне. – Раз я достоин лучшей жизни, то почему я не могу наслаждаться красотой заката или берега моря? Почему я не могу увидеть, как выглядит моя собственная ящерица Рокси? Это и есть ответ на вопрос. С такими, как я, не происходит чудес. Я такой,

какой есть. И жалеть меня не надо, – в конце он вздыхает, будто тяжкий груз падает с его плеч. Хотя этот груз лишь еще сильнее начинает давить.

– Я прошу прощения, Арчибальд.

– Арчи, – молчит. – Проще звать меня Арчи. Не для моей матери, которая так нарекла, но для других проще простого.

После его слов, звучит звонкий, но немного гнусавый голос по всем вагонам, сообщающий нам о станции. Это была та, что нам нужна. Мы поднимаемся с сидений и выходим из метро. Я всегда находила этот район всем из себя пантовым, ну, к примеру, потому, что квартиру снять тут стоит баснословные деньги. Мы подходим к повороту, на одну из жилых улиц, и я вижу дом красного цвета. Быстро посчитав, в здании оказывается пять этажей, сколько и должно было быть. Я довожу Арчи до дома.

– Мы у твоего дома.

– Спасибо, – он отдает мне мольберт и присаживается на ступени. – Я забыл позвонить маме, – чешет парень голову и достает телефон. Оттуда вновь доносятся гудки. Проходит с минуту, пока он сидит с трубкой у уха, а затем убирает ее. – Не берет.

И тут, как гром среди ясного неба, на нас обрушился крик женщины, а точнее выкрик полного имени Арчи. Я оборачиваюсь. К нам бежит женщина, на вид лет сорока, волосы у нее темные и до плеч. Одета в легкое летнее белое платье с цветами синего цвета.

– Арчибальд! – она обнимает его. – Я так испугалась, когда не нашла тебя в парке, Господи! – целует в макушку. – Не сиди на холодном, Арчибальд, – женщина оборачивается и осматривает меня. – А вы кто такая? – веско бросает она.

– Нэнси Грин, я встретила вашего сына в парке, и мы немного познакомились.

Арчи в тот момент встает и кладет на спину матери руку.

– Мам, она мне помогла добраться до дома, она милая девушка, – он сжимает ее плечо.

– Оу, даже так, – женщина еще раз оглядывает меня. Кажется, я ей не очень-то и по нраву. – Ну, спасибо, Нэнси Грин.

– Просто Нэнс, – я ухмыляюсь ей. – Я пойду, до свидания, Арчибальд Стинсон.

– Прощайте, Нэнси Грин.

Последний раз я оглядываю его и отворачиваюсь, перед этим захватив свои деревяшки. Вот и все. Я понимаю, что идти от этого места до моего дома еще кучу, даже больше, времени. Но ничего. Не каждый день происходят такие интересные знакомства.

Когда я находилась дома, я села за компьютер и нашла его в социальной сети. Недолго думая, я написала ему короткое: *«Привет, Арчибальд Стинсон».*

И только после того, как я написала это сообщение, в голове возникает мысль: «А как он его прочтет?». Его телефон

говорил с ним, может, компьютер тоже имеет такую способность? Спустя пару минут он мне отвечает.

– Приветствую, Нэнси!

– Возник вопрос сразу же, как я нашла тебя здесь.

С минуту мой компьютер не издает никаких звуков, а затем слышится щелчок.

– Да, какой вопрос? Отвечу на все.

– Как ты пишешь?

Пришло время ожидания. Я решаю посмотреть его страницу в социальной сети. На аватарке у него стоит фото, где Арчи сидит на том самом месте, где сидел сегодня вечером. На ступенях своего красного дома. На его глазах вновь очки, оправы которых были ярко-желтого цвета, а стекла были разноцветными, ощущение, что они переливаются на солнце. Он сидел в клетчатой рубашке, цвет которой был похожим на небесный, лазоревый. Его руки были около лица, он будто снимал очки. Щелчок сообщения.

– Думал, что спросишь о чем-нибудь более интересном. Тут штука в планшете есть – я ему диктую, а он пишет. А когда приходит сообщение, то он оповещает меня, а я ему отвечаю: прочесть или нет. Техника высшего уровня, стоит немало денег. Но мне, как инвалиду, дали это бесплатно.

Теперь все становится предельно ясным. В принципе, это и предполагалось. Иначе, другого варианта я и не вижу.

– У тебя красивое фото на аватарке ;)

– Да? Спасибо большое. Мама говорит, я там в синей рубашке.

– Сине-белой. И желтые очки.

– Ах, да. Успел их сломать до того, как познакомился с тобой, извини.

– Твои черные очки тоже великолепны.

– Забавно. Хотел спросить, какого цвета мои очки сейчас. Но слепым не объяснишь этого.

Я не хочу говорить об этом. Потому что это более чем серьезно. Я сижу в растерянности. И не знаю, что ему ответить. А как можно объяснить слепым цвета?

– Давай так: я найду способ объяснить тебе, как выглядят цвета. Я извернусь, но сделаю это. И ты от меня не отвертись теперь, Арчибальд.

– Умоляю, зови меня Арчи. Но твой напор мне определенно нравится.

– Ты флиртуешь со мной?

– Я просто влюблен в тебя :D

– Сказал бы сразу, что это приколы.

Я улыбаюсь. За последнее время это случается часто, поэтому внимания я особо на это не обращаю. Но что-то в этом определенно есть.

– Арчибальд?

– НЭНСИ!!!

– Прости, АРЧИ! Я просто хочу сказать, что мне пора спать. Уже довольно темно, и глаза закрываются.

– Темно. Хех. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Я ложусь спать с тяжестью на груди. Я объясню ему! Я смогу это сделать, чтобы мне это не стоило.

Просыпаться довольно тяжело, если в твоей голове столько мыслей, как муравьев в муравейнике. Я думаю о том, о сем, о другом и о новом знакомом. Всю неделю я думаю лишь о нем, забывая выполнять практические работы и задания для колледжа. Да пошло оно все к черту! Моя голова забита лишь тем, как объяснить Арчибальду красный цвет. И ведь надо было забить голову себе именно этим. Но это лучше, чем на паре физики слушать физику.

Социальная сеть оповещает о новом сообщении.

– Приветствую Вас! С выходными, Нэнси. На улице так светло!!!

Я усмехнулась.

– Смешно.

– Я с утра особенно остроумен.

– Это заметно.

– Не хочешь ли ты, Нэнси Грин, пройти со мной?

– Конечно, хочу!

– Тогда стоит кое-что уточнить...

– Не молчи.

– Ты умеешь кататься на роликах?

Ролики?!

– Да, конечно. А что?

– Мама никогда не разрешала мне этого. Но недавно мне привезли очень красивые ролики. Я, конечно, не видел их, но мои друзья сказали, что, цитирую: «ОБОЖЕМОЙ КАЖЕТСЯ Я СЕЙЧАС УМРУ». Поэтому считаю их очень красивыми и офигенными.

Кажется, я понимаю его. Он хочет научиться кататься на них. В роли учителя я еще ни разу не выступала, но, надеюсь, справлюсь. У него есть друзья. Я рада за него из-за упоминания о них. Он не одинок.

– Я уловила твою мысль. Могу за тобой заехать.

– Заехать? У тебя есть машина?

– Ага. Две. И они тридцать девятого размера.

– Ты заметила то, какие мы шутники? Заезжай к двенадцати. Я буду на ступенях в.. на улице холодно?

– Средне. Плюс пятнадцать, а на солнце двадцать.

– Тогда в плотном пиджаке и темных джинсах. Ну, или светлых. Тут уже я не властен. Но главное – дождаться, пока мама уйдет из дома. А то мне влети-и-и-и по первое число.

– Жди меня, Арчи.

– Буду ждать, Нэнси.

Я оборачиваюсь и смотрю на свои ролики, стоявшие в прихожей. Я их не трогала с позапрошлого года. Единственное – это их передвижение по периметру квартиры взад-вперед. Выключив компьютер, я встаю и иду к ним. Надо взять

запасную обувь на смену. Взгляд упал на низкие кеды черного цвета. Вас-то я и возьму.

Муторная дорога до метро выбивает из меня желание ехать хоть куда-то. Но не мозоли на ногах, не почти разбитые в кровь колени не помешают мне и моему плану. Я еду дальше, выхожу из метро и сворачиваю. Остается лишь пара улиц и будет яркий красный дом. Я увижу парня в «плотном пиджаке и джинсах». И сегодня он будет еще выше, чем обычно. Ролики.

Я подъезжаю к дому. Арчи сидит на ступенях в черном пиджаке и темных джинсах. В руках он держит какую-то книгу в ярко-оранжевой обложке. На голове у него большие наушники, тоже черные. А рядом лежит его завсегдатай атрибут – трость. Вот и эти умопомрачительные ролики. Они выглядели намного лучше, чем мои. Свежие, яркие, лакированные. Мои же были все покоцанные, будто в них воевало не одно войско, а сразу десяток. Давно выцветший, ярко-синий походил на серый, а вставки фиолетового цвета почему-то стали черного.

Парень водит указательным пальцем левой руки по книге. Когда я подъезжаю ближе, то понимаю, что это специальные книги для слепых со шрифтом Брайля. Он увлечен. Я толкаю его в плечо, не придумав ничего более подходящего. Он дергается, а потирает плечо.

– Нэнси?

На нем очки с синей оправой.

– Да. Ролики и правда офигенные.

Он убирает книгу в рюкзак и, помогая себе тростью, встает. Закидывает рюкзак на плечо и, немного пошатнувшись, отталкивается от ступени на встречу ко мне.

– Есть одна загвоздка, – трет ногу об другую и слегка спотыкается. – Я абсолютно не умею кататься на них.

– По тебе это видно, – я протягиваю ему руку и трясую ею перед его глазами. Черт! Нельзя быть такой забывчивой. Я хватаю его за кисть. Он пошатывается. Как он вообще вышел из дома на них и не упал?!

– Прости, что так резко, – я извиняюсь перед ним. – Просто мне так легче будет тебя контролировать.

Он одергивает мою руку и с тихим рыком катится по улице. Я подъезжаю к нему, когда он уже летит лицом в асфальт. Пытаюсь оттащить на тротуар.

– Арчи? – я присаживаюсь к нему. Он крутит в руке трость, а затем, откладывая ее в сторону, закидывает голову и потирает шею. Моя рука ложится ему на колено.

– Отстань! – он одергивает мою руку и встает. Но из-за неумения Арчи раскачивается и приземляется вновь своей пятой точкой на землю. Грязно ругнувшись, парень садится обратно и утыкается головой в колени, смещая очки на лоб. Что с ним такое? Ведь ничего такого не б.. «Мне так легче будет тебя контролировать». Нэнс, ты дура?! Если признаешься в этом самой себе, то жить тебе будет намного легче. Еще бы предложила ему коляску для инвалидов. Как же стыдно.

Я смотрю на него. Он тяжело дышит. Мне безумно его жаль, я хочу сделать все для этого человека. Я хочу, чтобы он был счастлив. Хотя я и знаю Арчи всего неделю с небольшим, но он мне кажется удивительным, превосходным человеком. Я умею долго распинаться, а еще я умею обижать слепых. Ох, и дура ты, Мисс Грин.

– Арчи, – тихо шепчу его имя, подсев еще ближе к нему.

– Уйди от меня, – бурчит.

– Прости, я не хотела..

– Ты не хотела, – всхлипывает он, резко поднимая голову. – Перри из Сиетла не хотел, Анна из твиттера тоже. Может быть, еще сотня людей не хотели? Все этого не хотят. Нэнси, лучше иди. Я дождусь мамы, мы дойдем до дома.

– Ты противоречишь сам себе! – восклицаю я. – Только что ты говоришь о том, что я должна уйти, обижаешься на мою слабость перед тобой и твоим недугом, но тут же говоришь, что сам не доберешься до квартиры и тебе нужно дождаться мамы. Арчи! – я встаю и хватаю его за руку. – Хочешь нормального общения?! Тащи свою задницу за мной. И если упадешь, то я и ухом не поведу.

Он хмурится, но осторожно едет за мной. Я вижу, как его сухие губы раскрываются в улыбке, обнажая зубы.

– Такой настрой мне больше нравится, Грин.

– Спасибо, Стинсон.

Я делаю оборот и смотрю за тем, как он едет. Тяжелыми громкими шагами парень пытается догнать меня. Я же усме-

хаюсь, меняя направление.

Это, конечно, отвратительно и, возможно, гадко. Но он сам просил не быть с ним, как с калекой. Это была его инициатива. Так пусть теперь и терпит вредную, быструю и настойчивую Нэнс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.